

*П. Е. Фокин, К. А. Зиновьева**

РОМАН АЛЕКСАНДРА ЗИНОВЬЕВА «СВЕТЛОЕ БУДУЩЕЕ» В ОЦЕНКАХ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЫ (1979–1980)**

Статья посвящена обзору критических откликов немецкоязычной прессы на первое издание на немецком языке романа А. Зиновьева «Светлое будущее», которое стало интеллектуальным событием Германии, Швейцарии и Австрии 1979–1980 годов. Дана история публикации романа и его рецепции в немецкоязычной прессе. Представлен спектр мнений, оценивающих эстетическую и содержательную новизну романа, отмечены наиболее актуальные для критиков темы и проблемы. Роман «Светлое будущее» стал для А. Зиновьева судьбоносным, именно его публикация на Западе стала причиной высылки писателя из СССР в 1978 году. Событие широко освещалось немецкоязычной прессой. Писатель поселился в Мюнхене, став одной из важных медийных фигур. Первая публикация романа «Светлое будущее» на немецком языке давала читателям Германии, Швейцарии и Австрии возможность самим оценить масштаб и значимость литературной деятельности А. Зиновьева и потому к ней было приковано особое внимание.

Ключевые слова: Александр Зиновьев, «Светлое будущее», литература русского зарубежья, литературная критика

Fokin P. E., Zinovieva K. A.

*ALEXANDER ZINOVIEV'S NOVEL «THE RADIANT FUTURE»
IN THE ASSESSMENTS OF THE GERMAN-LANGUAGE PRESS (1979–1980)*

The article is devoted to the review of critical responses of the German-speaking press to the first German edition of A. Zinoviev's novel «The Radiant Future», which became an

* Фокин Павел Евгеньевич, кандидат филологических наук, ФГБУК «Государственный музей истории российской литературы имени В. И. Даля», Русская христианская гуманитарная академия имени Ф. М. Достоевского; pfokin@mail.ru

Зиновьева Ксения Александровна, Международный научно-образовательный центр (МНОЦ) им. А. А. Зиновьева при философском факультете МГУ им. М. В. Ломоносова, Русская христианская гуманитарная академия имени Ф. М. Достоевского; pfokin@mail.ru

** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23–28–01735, <https://rscf.ru/project/23-28-01735/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского

intellectual event in Germany, Switzerland and Austria in 1979–1980. The article gives the history of the publication of the novel and its reception in the German-language press, presents a range of opinions evaluating the aesthetic and substantive novelty of the novel, and highlights the most relevant topics and problems for critics. The novel «The Radiant Future» became fateful for A. Zinoviev, it was its publication in the West that caused the writer's expulsion from the USSR in 1978. The event was widely covered by the German-language press. The writer settled in Munich, becoming one of the important media figures. The first publication of the novel «The Radiant Future» in German gave readers of Germany, Switzerland and Austria the opportunity to assess for themselves the scale and significance of A. Zinoviev's literary activity, and therefore special attention was focused on it.

Keywords: Alexander Zinoviev, «The Radiant Future», Russian literature abroad, literary criticism

В июле 1979 года в швейцарском Цюрихе в издательстве «Diogenes-Verlag» вышел в переводе Франциски Функе (Franziska Funke) и Эберхарда Стокингера (Eberhard Stockinger) роман Александра Зиновьева «Светлое будущее». Издание было осуществлено спустя чуть больше года после публикации романа на русском языке в издательстве «L'Age de Homme» в Лозанне. К этому времени сам писатель уже почти год находился в эмиграции.

Как известно, конфликт Зиновьева с советской властью начался после публикации в 1977 году его сатирической антиутопии «Зияющие высоты»: он был исключён из партии, уволен с работы в Институте философии, лишён научных степеней и званий, правительственных и воинских наград, формально находясь на свободе, фактически жил под домашним арестом и постоянным наблюдением. На Зиновьева оказывалось постоянное психологическое давление. Притеснения коснулись и его семьи.

В течение нескольких месяцев власти не могли прийти к окончательному решению, что делать с вольнодумцем: сослать в отдалённый провинциальный вуз, заключить в психиатрическую больницу, поместить в лагерь — оценки масштаба провинности Зиновьева были разными. Но когда в марте 1978 года вышел его новый роман «Светлое будущее», в котором критика советской действительности была представлена ещё нагляднее и резче, стало ясно, что нужно принимать радикальные меры.

28 июня 1978 года КГБ СССР рекомендовал ЦК «разрешить ЗИНОВЬЕВУ и его семье выезд в одну из капиталистических стран в частном порядке и закрыть ему въезд в СССР. Вопрос о лишении советского гражданства решить в зависимости от поведения за рубежом»^{*}. 30 июня соответствующее решение ЦК было утверждено^{**}. 6 августа Зиновьев с семьёй выехал в ФРГ, а 22 августа Политбюро ЦК КПСС принимает решение о лишении Зиновьева гражданства СССР. Соответствующий указ Президиума Верховного Совета СССР вышел 25 августа (опубликован 13 сентября).

Зиновьев поселился в Мюнхене. Его высылка сопровождалась широкой информационной кампанией на Западе, в том числе, в ФРГ. В дальнейшем интерес немецкой прессы к Зиновьеву не ослабевал (равно как и в других странах

^{*} Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 70. Д. 1105. Л. 44.

^{**} Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 80. Д. 680. Л. 82.

Европы). Он давал многочисленные интервью, выступал на радио, регулярно публиковались статьи о его книгах. Немецкие читатели ждали переводов произведений прославленного автора.

4 января 1979 года на коктейле в издательстве «Diogenes-Verlag» его владелец Даниэль Кеель представил швейцарской общественности своего нового автора и сообщил, что перепробовал 14 переводчиков для работы над «Зияющими высотами» и что надеется уже в марте выпустить перевод «Светлого будущего». Однако работа потребовала большего времени [20]. Только 18 июня 1979 года журнал «Der Spiegel» опубликовал несколько глав из немецкого перевода «Светлого будущего».

22 июня Зиновьев в интервью журналисту мюнхенской газеты «TZ» Рольфу Зеелигеру (Rolf Seeliger) анонсировал скорый выход книги [19]. Роман поступил в продажу в начале июля, о чём информировали швейцарские и немецкие газеты. 22 июля книге была посвящена 20-минутная авторская передача Хелен фон Сахно (Helen von Ssachno) «Разговор о книгах» («Bücher im Gespräch») на радио «Deutschlandfunk» с участием Зиновьева.

Цюрихская газета «Züri Leu» в еженедельных рейтингах книжных бестселлеров в течение июля-августа отмечала роман Зиновьева в десятке наиболее популярных книг: 17 июля, на второй неделе продаж, «Светлое будущее» занял 2 позицию, обойдя произведения А. Миллера и Г. Грасса.

Первая рецензия, написанная Юргом Альтвегом (Jürg Altwegg), появилась уже 10 июля на страницах цюрихской газеты «Tages-Anzeiger» [1]. 16 июля её перепечатала издававшаяся в Люцерне газета «Luzerner Neueste Nachrichten» [2]. В последующие месяцы вышло ещё два десятка статей. На публикацию немецкого перевода «Светлого будущего» откликнулись периодические издания ФРГ, Швейцарии, Австрии: мюнхенские «Abend Zeitung» [3], [17], «Münchner Merkur» [8] и «Die Bücherkommentare» [21], франкфуртские «Frankfurter neue Presse» [18], «Frankfurter Allgemeine Zeitung» [7], «Deutsche Zeitung» (Берлин) [15], «Deutsches Allgemeines Sonntagsblatt» (Гамбург) [11], «Hannoversche Allgemeinen Zeitung» (Ганновер) [5], «Westermanns Monatshefte. Die Zeitschrift für Bücherleser» (Брауншвейг) [22], «Hessische/Niedersächsische Allgemeine» (Кассель) [12], швейцарские «Luzerner Tagblatt» (Люцерн) [10], «Vaterland» (Люцерн) [14], венские газеты «Die Presse» [16], «Die Furche» [4], «Arbeiter-Zeitung» [9]. К этому следует добавить пять (известных нам) специальных радиопередач с участием Зиновьева и чтением фрагментов из романа.

Интенсивность публикаций и их география говорят о высоком интересе немецкоязычного мира к роману. Надо учесть и то, что в сентябре 1979 года, то есть спустя лишь два месяца после публикации перевода «Светлого будущего», издательство «Diogenes-Verlag» представило читателям перевод главной книги Зиновьева — роман «Зияющие высоты», который также стал предметом медийного внимания.

В отличие от «Зияющих высот», в котором советская действительность изображена в гротескных, порой карикатурных формах, где персонажи скрыты под масками их социальных ролей, а действие, происходящее в некоем вымышленном городе Ибанске, которым правит наследник Хозяина и Хряка некий Заибан, наполнено бесчисленными и бесконечными философскими разгово-

рами и размышлениям, роман «Светлое будущее» написан в традициях реалистической эстетики. Время и место действия в нём чётко определены и вполне узнаваемы — современная Москва. Герои носят обычные имена, имеют биографии, характеры, в поведении руководствуются внятной социальной логикой. В своих разговорах они касаются повседневных проблем и личных интересов, конечно, философствуют, а также критически обсуждают актуальную политику партии и правительства, упоминают имена Брежнева и Солженицына. Во всех смыслах слова «Светлое будущее» написан иначе, чем «Зияющие высоты», хотя их органическая связь очевидна, а сам Зиновьев в интервью говорил, что писал «Светлое будущее» как одну из частей «Зияющих высот».

Во многом это отличие и продиктовало Даниэлю Кеелю решение начать знакомство немецких читателей с творчеством Зиновьева именно со «Светлого будущего», формально более привычного для восприятия. Критики одобрительно оценили этот ход. Так, Габриэль Лауб (Gabriel Laub) на страницах «Deutsche Zeitung» писал:

Нельзя с точностью понять, какая же из двух книг появилась на свет раньше, какая позже. «Светлое будущее» могло быть частью «Зияющих высот». Зиновьев использует в ней те же самые приёмы: гротеск, иронию, парадоксы сатирического сжатия. Однако с точки зрения повествовательной конструкции передача мысли в «Светлом будущем» легче для понимания и не так беспощадно сконцентрирована, как в «Высотах». Поэтому хорошо, что немецкий читатель первой смог прочитать именно «Светлое будущее», чтобы быть подготовленным к «Зияющим высотам». Потому что ему придётся иметь дело со многими неизвестными ему вещами: деталями советских будней и теоретическими дискуссиями. [15, с. 28]

К слову сказать, практически все рецензенты, судя по их компетентной осведомлённости, были знакомы с содержанием книг Зиновьева ещё до их выхода на немецком языке, прочитав их в оригинале или в уже существовавших переводах на французский и итальянский языки. Так, главный редактор венской газеты «Die Presse» Петер Мартос в статье, опубликованной 22 июля, уверенно пишет:

В своем монументальном произведении «Зияющие высоты» он доводит представление о советской действительности до такой гротескно-горькой и одновременно комичной правды, от которой у любого на глаза навернутся слёзы — не важно, от смеха или горя. «Светлое будущее» — («Все мои книги — это главы одной и той же книги») — стало совершенно иной его работой. Если после первого произведения Зиновьева называли новым Свифтом, современным Рабле или русским Кафкой, то сейчас его определённо можно возвести в ранг второго Брехта.

На самом деле никого и нельзя сравнить с этим аналитическим юмористом (или, кому больше нравится, с язвительным логиком). Он сознательно алитературен и его цель — убрать любые барьеры, отделяющие от действительности. [17, с. 18]

Художественная сторона романа была по-разному оценена рецензентами. Одни ею восхищались, называя книгу Зиновьева «блистательной», другие,

* Здесь и далее перевод авторов.

считали, что она написана менее ярко и интересно, чем «Зияющие высоты». Были и ярые противники, как, например, Конрад Умлауф (Konrad Umlauf), назвавший свою рецензию «Сомнительная мешанина» («Dubioser Mischmasch»), в которой с открытым неприятием писал:

Давно я не чувствовал себя столь опустошенным, как сейчас, прочтя зинovieвское «Светлое будущее». А ведь при этом его сравнивают со Свифтом, со Стерном, с Вольтером. <...>

«Светлое будущее», некий гоголь-моголь из разных идей марксизма, научной болтовни (которую западный читатель скорее всего не поймет), семейных разборок и полемической лирики (скорее, полная чушь, чем нечто язвительное), по идее, должен был сквозить иронией. Я же увидел лишь острый сарказм и парочку весьма убедительных попыток автора проявить себя в циничном словоблудии. И, естественно, не обошлось без претензий на шутки, таких, как, например: «Коммунистический орган самоуправления (или самоудовлетворения)»! Над этим не будет смеяться даже антикоммунисты.

И хотя автор утверждает, что у него ни в коем случае нет литературных амбиций, разве кто-то его заставляет раскручивать направленные против Советского Союза вердикты аж до романов?

При этом он умудряется всё испортить: диалоги оборваны, мысли редко выражены до конца, психологическая мотивация банальна, а действующие лица не более, чем уличные артисты, выдувающие словесные мыльные пузыри. [21, с. 15]

Совсем иначе видит и оценивает особенности поэтики «Зияющих высот» крупнейший знаток советской литературы, переводчик Ю. Трифонова, В. Распутина, А. Платонова, В. Войновича, В. Маканина и многих других советских писателей Александр Кемпфе. В многоголосии романа он видит традицию карнавала, описанную М. Бахтиным.

Герои говорят без удержу, но не бездумно. Разговаривают в прозе и в стихах. Они насмешничают, ёрничают, богохульствуют, злословят, матерятся, сплетничают и смеются. Они говорят на иностранных языках, разглагольствуют, спорят, декламируют, оскорбляют, сеют слухи, плетут интриги. Они спрашивают, отвечают, возражают, предполагают. Говорят о Боге и вселенной, о повседневной жизни и политике, об интимных вещах и возвышенном. Многое они говорят друг другу от всего сердца, но зачастую припирают друг друга к стенке. Москва: как она смеется и богохульствует — таким могло бы быть название этой книги.

Каждый получает право выступить, а затем начинает просто тараторить. Время выступления ограничено. Богохульствовать можно, нельзя наводить скуку. Действие развивается быстро и разнообразно, временами бурно. Читатель находится словно в кабаре или же на каком-то карнавале. Потому что это не просто смешно: здесь шутка соседствует с серьезными вещами. Здесь господствует безудержный смех, но не пустая болтовня. Здесь неоднозначность и глубина. Книга полна многочисленных граней и аспектов. Она словно собрала под одной крышей самые разнообразные жанры. Здесь и скетчи, и политические анекдоты, и грубые (идеологические) сцены, и уличные баллады, памфлеты, клоунады, травести, фарс, непристойности (последние, в основном, в виде стишков). Длинный карнавалый поезд. Михаил Бахтин причислил бы эту книгу к культуре высмеивания. У Зиновьева превалируют античные карнавалы-сатирические жанры. Однако истинно-немецкий жанр масленичного карнавала тоже присутствует. Зиновьев

преподносит его безупречно и блестяще. В этом он без всяческих усилий обходит даже знаменитых рейнских карнавальных музыкантов. [11, с. 24]

Кемпфе обращает внимание на то, что на страницах своего роман Зиновьев вступает в полемику с Трифоновым — одним из признанных мастеров современной советской литературы. Объясняется это тем, считает Кемпфе, что Зиновьев требует от современного художника прямого, открытого разговора о действительности, не затуманивая её психологизмом и мнимым интеллектуализмом, уводящими читателя от сути явлений. Сам он решительно порывает с традициями русской классики, чтобы донести до читателя слово правды. «Антихудожественность» Зиновьева осознанная, это его метод вскрытия истины.

«Зиновьев ценен тем, что в отличие от других диссидентов, бесстрастно анализирует социальную действительность в России» [9, с. 10], — писал австрийский писатель и журналист «Arbeiter-Zeitung» Ханс Хайнц Ханл (Hans Heinz Hahnl).

Внимание рецензентов в первую очередь привлекает образ советской действительности, созданный Зиновьевым. Подчёркивается, что писатель поставил своей целью изобразить реальную жизнь в Советском Союзе такой, какой она предстаёт в своей повседневности, объективно, без идеологических оценок и искажений.

Даже сатирическая ирония Зиновьева, а местами и откровенная карикатура, не нарушают правдивости рассказа. Они легко редуцируются, не искажая общей картины. Книга Зиновьева, по мнению рецензентов, важна для немецких читателей, потому что в Германии, как и вообще на Западе, практически нет информации о том, как живут обыкновенные люди в стране победившего социализма, как они зарабатывают деньги, как устроен их быт, во что они одеты, как обустроены их дома, как складываются отношения в семье, общение с коллегами, о чём они думают, что говорят, как любят и предают.

Несомненно, что книга «Светлое будущее» является важнейшей книгой этой осени, так как содержит большое количество не вызывающих сомнений деталей из жизни советского человека, передаёт споры между московскими интеллигентами о возможностях изменений в обществе, — писал обозреватель «Westermanns Monatshefte. Die Zeitschrift für Bücherleser». [22, с. 34]

Интересно, что сатирический пафос романа оказывается менее значим для европейцев — так силён информационный голод, вызванный нехваткой первичного знания о советской системе. И хотя все рецензенты отмечают свойственную Зиновьеву манеру комического письма, его остроумие и иронию, но всё же больше ценят именно его обращение к повседневности как к предмету литературного изображения и философской рефлексии.

Может, это сатира? — задавал вопрос Хорст Кёпке (Horst Köpke), размышляя о природе зиновьевского романа и отвечал: — Частично, да. В книге присутствуют такие пассажи, которые по праву можно сравнить с работой больших писателей-сатириков. Сатиру на тему научного учреждения в Советском Союзе может написать только современный Гоголь. Однако автор не старается с помощью густой

сатиры высмеять советское коммунистическое общество. Скорее, автор в горько серьёзной манере хладнокровно анализирует. «Я хочу лишь одно: изобразить такое явление, как коммунизм, так, как Маркс проделал это с капитализмом, и провести его объективное исследование», говорит автор словами Антона. [13, с. 9]

Отмечается как важное открытие Зиновьева изображение в романе внутреннего конфликта советского общества, в котором обнаруживается социальное расслоение и неравенство, борьба за привилегии и конкурентная борьба за экономическое благополучие. Он усугублен драматическим противоречием с идеалами всеобщего равенства и братства, которые возведены в ранг идеологической основы советского общества. Это несоответствие реальной жизни и идеологии порождает двоемыслие и раздвоенность поведения, ведёт к лицемерию и нравственной деградации личности. «Официальной идеологии советского государства, которая превозносится с помощью эпитетов исключительно превосходной степени, уже никто не верит. Но тем не менее, отказаться от высокопарных слов также никто не может» [23, с. 53], — отмечала Ютта Георгине Виттманн.

Анализируя суть проблемы, Габриэль Лауб писал:

В одной из дискуссий на тему восточно-европейской сатиры английский славист Хоскинг представил остроумные тезисы по поводу двоемыслия в Советском Союзе: общественно-политически там думают совсем по-другому, чем в частном порядке. Однако проблема является еще более сложной — по крайней мере, в кругу тех, кто кормится от идеологии. Те, кто официально высказывают определенные утверждения, на самом деле так не думают вообще. Двоемыслие выражается в том, что большинство людей ведут себя так, как это делает главный герой: распространяет ложь, выполняет фиктивную работу, плетёт интриги, сдает друзей КГБ, но несмотря на это считает себя толерантным, либеральным, приличным человеком. [15, с. 28]

Бескомпромиссность и жёсткость Зиновьева в оценках советской действительности и советского человека, его утверждение, что всё происходящее в Советском Союзе вовсе не искажение норм, как уверяло большинство советских диссидентов, а как раз и есть норма, не насилие коммунистов над народом, а, напротив, воплощение воли (или безволия) народа, его пессимизм в оценках дальнейшего развития страны и отказ от «светлого будущего» вызвали удивление и беспокойство критиков.

Что хотел продемонстрировать Зиновьев? — спрашивал Вольфганг Броер (Wolfgang Broer). — Портрет «хомо советикус», который родился в этом режиме и вынужден в этом режиме размножаться. Так как «жизнь развивается в границах социальных возможностей существования, она порождает определенный тип социальной личности: социальные клопы, социальные червяки, социальные змеи, пауки, скорпионы...» И поэтому, по Зиновьеву, советская система так стабильна. «Не существует никакой силы внутри Советского Союза, которая была бы способна режим разрушить». Таков пессимистический вывод автора. [6, с. 11]

Отдельно обращают внимание рецензенты на критику Зиновьевым диссидентства. Благодаря усилиям западной пропаганды советские диссиденты

в глазах европейского обывателя были овеяны ореолом героической борьбы, они предстали носителями передовых, демократических идей, выразителями истинных чаяний русского народа. Зиновьев развенчивает диссидентство, показывая оторванность его представителей от реальной жизни, их полное незнание и непонимание социальных явлений и процессов, идущих в СССР. Сам Зиновьев никогда не считал себя диссидентом, так как всегда стоял на позиции исследователя, а не идейного противника. Его несогласие с марксизмом не означало отрицания марксизма как идеологического явления.

Критики стараются разъяснить немецким читателям своеобразие идейной позиции Зиновьева, обильно цитируя концептуально значимые фрагменты и пассажи, объясняя логику его утверждений, временами вступая в полемику или, напротив, в творческий диалог, как, например, Хорст Кёпке, рассуждавший вслед за Зиновьевым:

Светлое будущее, согласно Зиновьеву, это полным ходом идущая борьба с понятной для всех отвратительностью коммунизма. То есть, не то, чтобы всё возвращается к частному капитализму, нет, речь идёт о новой системе, которая в последствии появится (наверное, так можно продолжить эту мысль), выполнит лишь частично свои обещания и породит людей, которые со своей стороны будут пропагандировать другое, ещё более светлое будущее.

Пожалуй, это более реалистичная концепция, чем та, которая была у марксистов, которая затем превратилась в социализм, а затем, по идее, должна будет перейти в коммунизм, после которого, в свою очередь, настанет период блаженного застоя. Эта концепция, пожалуй, и самое оптимистичное обозначение будущего по сравнению с речами о «дерьмовом капитализме», в условиях которого невозможно жить, но и нет возможности уйти от него. При этом на деле необходимо ставить вопрос, каким должен быть путь к светлому будущему (понятно, что это ироничное высказывание): через социализм/коммунизм или же в его основе должны одновременно быть поздний капитализм и поздний коммунизм, которые затем освободят место новой системе, по крайней мере, в Европе и советской Азии. [13, с. 9]

Практически все рецензенты единодушны в том, что книга Зиновьева имеет несомненную ценность для более объёмного и адекватного восприятия коммунистической реальности, построенной в СССР, и для развенчания пропагандистских идеологических мифов. Как пишет всё тот же Хорст Кёпке:

Конечно, против Зиновьева может быть выставлено то, что он представляет возникший в России коммунизм за единственно возможный коммунизм. В любом случае, все это информация идёт изнутри коммунизма и её нельзя игнорировать. <...> Чем больше молодых людей, смотрящих на мир сквозь «розовые очки» и мечтающих о беззаботном социализме, прочтут эту книгу, тем лучше. И даже если наивысшая цель не будет достигнута, не нужно думать, что ничего и не сделано. [13, с. 9]

Из всех откликов на публикацию немецкого перевода романа, наиболее обстоятельной и содержательной является статья Александра Кемпфе «Москва смеётся и богохульствует», опубликованная 2 декабря 1979 года в гамбургской еженедельной газете «Deutsches Allgemeines Sonntagsblatt». Статья занимает

целую полосу с окончанием на другой станции. Это не только профессиональный разбор книги Зиновьева, выполненный крупнейшим знатоком советской литературы, но и вдумчивая полемика с ним.

Кемпфе задаётся многими вопросами. В частности, насколько специфична реальность, изображённая Зиновьевым, насколько она уникальна и характерна только для советского мира. Зиновьев, считает Кемпфе, просто не знает нравов западного мира.

Зиновьев описывает коллектив, в котором он находился как бы сверху. Коллектив или коллективы. Он многое описывает правильно. Но Зиновьев не спрашивает: а не живут ли его западные современники в своих или со своими коллективами в похожих условиях и не переживают ли такой же опыт? Со своим братьями и коллегами, со своими начальниками и стукачами.

Зиновьев описывает научное учреждение. Он перечисляет качества характера и манеру поведения: «Лень, халтура, отсутствие дисциплины, оппортунизм, узколобость, высокомерие, заносчивость, честолюбие, беспринципность, зависть и так далее». Он говорит, что это типичные качества советского гуманитария. Но почему же только советского, господин и товарищ Зиновьев? В наших научных учреждениях всё точно также. [11, с. 24]

Более того, утверждает Кемпфе, Зиновьев неоправданно абсолютизирует отношения внутри такого специфического учреждения как институт философии возводя их в общее правило жизни в советском коллективе. Он видит в этом ограниченность правды Зиновьева, которая охватывает отнюдь не весь советский мир.

Зиновьев ориентирован и зациклен на профессию (а вот это типично советски!). Он еретик с сословным сознанием. Он высмеивает и проклинает советских философов. Однако сам недалеко от них ушёл. Он просто переоценивает сам себя. Он слишком преувеличивает своё значение — и даже на международном уровне. Советское философское учреждение — это не советское общество, пусть даже в сжатом виде. Это не советская идеология или культура, и не сердце этого общества. Не сердце и не голова, а, в лучшем случае, его корсет. Сильно отштукатуренный фасад огромного здания со всеми его помещениями и живущими в нём людьми. Посмертная маска большой мечты.

Давайте попробуем сделать перекрёстное сравнение. Советское научное учреждение скорее больше похоже на западное научное учреждение, чем на советское общество. Внутренние взгляды не могут быть перенесены и применяться в других сферах жизни. В Советском Союзе есть достаточно много коллективов, в которых отношения более братские и более созидательные, чем тот, в котором находился Зиновьев, о чём многие молчат. Здесь обобщать нужно очень аккуратно. <...>

Зиновьев переоценивает свой собственный опыт, и, прежде всего, негативный (он занижает оценку такой хорошей и гуманной вещи, как русское гостеприимство). Это делает его метод ошибочным. И это может привести к неправильному пониманию его книги <...> [11, с. 25]

Кемпфе предлагает смотреть на роман Зиновьева шире, чем просто как на художественное произведение. Он справедливо говорит о необходимости прочитывать его в контексте идеологического противостояния Запада коммунистическими идеями. Он не сомневается в ценностях западного либерализма,

но выражает сомнение в методах и приёмах борьбы, которые часто слишком примитивны и несут больше вреда, чем пользы. Он предостерегает от очередного увлечения очередным критиком советской системы. В целом позицию Кемпфе можно было бы сформулировать, перефразируя слова Томаса Манна о Достоевском: Зиновьев, но в меру.

Подводя итог, можно сказать, что литературный дебют Зиновьева в немецкоязычной среде стал заметным интеллектуальным событием 1979 года в Германии, Швейцарии и Австрии, подтвердив, сложившийся образ Зиновьева как оригинального мыслителя и писателя, ломающего традиции и стереотипы. В последующие годы издательство «Diogenes-Verlag» осуществило выпуск ещё нескольких произведений Зиновьева в переводе на немецкий язык. Начатый обсуждением «Светлого будущего» разговор о Зиновьеве с неослабевающей интенсивностью продолжался в немецкоязычной прессе в течение целого десятилетия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Altwegg Jürg. Satiriker für Dissidente alter Länder // Tages-Anzeiger. — Zürich. — 1979. — № 155. — 10.07. — S. 19
2. Altwegg Jürg. Ein Satiriker unter den Dissidenten // Luzerner Neueste Nachrichten. — Luzern. — 1979. — № 162. — 16.07. — S. 25.
3. Anonim. Satire auf den Alltag // Abendzeitung. — München. — 1979. — № 136. — 14.07. — S. 7.
4. Burkhard Bischof. Beißender Witz // Die Furche. — Wien. — 1979. — № 35. — 29.08. — S. 16.
5. Bontemps Suzanne. Versklavte Geschöpfe // Hannoversche Allgemeinen Zeitung. — Hannover. — 1979. — № 246. — 13.10. — S. 14.
6. Broer Wolfgang. Hauptsache ist die gute Wurst // Kurier. — Wien. — 1979. — № 220. — 08.09. — S. 6.
7. Brousek Antonin. Der angepaßte Sowjetmensch // Frankfurter Allgemeine Zeitung. — Frankfurt. — 1980. — № 103. — 12.04. — S. 16.
8. Flügel Rolf. Spott und Hohn über eine lichte Zukunft // Münchner Merkur. — München. — 1979. — № 144. — 24.07. — S. 9.
9. Heinz Hahnl Hans. Der perfekte Kommunismus // Arbeiter-Zeitung. — Wien. — 1979. — № 214. — 02.09. — S. 10.
10. Hammer-Kraft Elisabeth. Sinowjew-Solschenizyn // Luzerner Tagblatt. — Luzern. — 1979. — № 216. — 08.09. — S. 11.
11. Kaempfe Alexander. Moskau wie es lacht und lästert. Über einige Schwierigkeiten beim Schreiben der Wahrheit // Deutsches Allgemeines Sonntagsblatt. — Hamburg. — 1979. — № 48. — 02.12. — S. 24–25.
12. Kieckhöfel Erich. Der russische «Weg nach oben» // Hessische/Niedersächsische Allgemeine. — Kassel. — 1980. — № 261. — 08.11. — S. 5.
13. Köpke Horst. Nachrichten aus dem Innern des Kommunismus // Frankfurter Rundschau. — Frankfurt am Main. — 1979. — № 235. — 09.10. — S. 9.
14. Kurath Peter. Ein Diskurs über die Moskauer Gesellschaft // Vaterland. — Luzern. — 1979. — № 236. — 11.10. — S. 18.

15. Laub Gabriel. Ran an den Kuchen // Deutsche Zeitung. — 1979. — № 42. — 12.10. — S. 28
16. Martos Peter. Kein Dissident wie alle anderen Der Pessimismus // Die presse. — Wien. — 1979. — № 174. — 21-22.07. — S. 18.
17. Meissner Toni. Phrasendrescher mit Pelzmützen. Exilautor Alexander Sinowjew stellt seine neue politische Satire vor // Abend Zeitung. — München. — 1979. — № 177. — 25.07 — S. 16.
18. r. k. Einer macht sich nichts mehr vor // Frankfurter neue Presse. — Frankfurt am Main. — 1979. — № 223. — 11.08. — S. 12. Spercher Margarit. Hoher Besuch aus Ibansk.// Züri Lei. — Zürich. — 1979. — № 5. — 05.01. — S. 9.
19. Seeliger Rolf. Wie kommt ein russischer Student an Solschenizyn? Alexander Sinowjew über seinen Roman «Lichte Zukunft» // TZ. — München. — 1979. — № 144. — 22.07. — S. 5.
20. Spercher Margarit. Hoher Besuch aus Ibansk.// Züri Lei. — Zürich. — 1979. — № 5. — 05.01. — S. 9.
21. Umlauf Konrad. Dubioser Mischmasch // Die Bücherkommentare. — München. — 1979. — № 3/4. — S. 15.
22. M.N. Es lebe die lichte Zukunft // Westermanns Monatshefte. Die Zeitschrift für Bücherleser. — Braunschweig. — 1979. — № 11. — S. 34.
23. Wittmann Jutta Georgine. Alexandr Zinoviev. Lichte Zukunft // Integral. — Wien. — 1979/1980. — № 12/1. — S. 53.